

ЛЕГЕВФЕМИЗМ КАК ТАКТИКА УХОДА ОТ ПРАВОВЫХ РИСКОВ В НОВОСТНЫХ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯХ

А. Р. Дегтярёва, М. А. Осадчий

LEGEUPHEMISMS AS A TACTICS OF LEGAL RISK AVOIDANCE IN NEWS INTERNET MEDIA

A. R. Degtyareva, M. A. Osadchiy

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 113400324а2).

Легевфемизм рассматривается как частный случай эвфемии, направленной на минимизацию правовых рисков в публичной коммуникации. В исследовании особое внимание уделено правовому риску как одной из активных детерминант развития эвфемии в публичной коммуникации современной России. Легевфемизм (правовой эвфемизм) является объектом эвфемологии, поскольку является номинацией, позволяющей говорящему минимизировать риск правовой ответственности. Легевфемизм целесообразно понимать как номинацию любого объема и семиотического статуса: слово, словосочетание, предложение. Легевфемия может реализоваться на лексическом, стилистическом и композиционном уровне. В ходе исследования выделены такие типы легевфемизмов, как синтетические и аналитические.

A euphemism is a less risky nomination, replacing a more risky one in the speech. The research focuses on the legal risk as an active determinant of euphemy development in public communication in modern Russia. A legeuphemism (legal euphemism) is an object of euphemology, as it is a nomination, allowing the speaker to minimize the risk of legal liability. A legeuphemism should be understood as a nomination of any scale and semiotic status: word, phrase or sentence. Legeuphemisms can be used at the lexical, stylistic and compositional level. In the current research two types of legeuphemisms are described – synthetic and analytic ones.

Ключевые слова: эвфемизм, легевфемизм, риски, публичная коммуникация.

Keywords: euphemism, legeuphemism, risk, public communication.

В современной эвфемологии принято считать, что эвфемизм – это корректная лексическая единица, подменяющая в речи некорректную лексическую единицу, «улучшающая» денотат. Однако при первом же подробном рассмотрении категория корректности, обобщающая родственные оппозиции этичный / неэтичный, обидный/необидный, приличный / неприличный, не удовлетворяет понятию эвфемизма в его полном современном функционировании. Так, лексические оппозиции *умер / ушел, ФСБ / компетентные органы, наказать / сделать оргвыводы* нельзя рассматривать в пропорции к оппозиции корректный / некорректный. Такого рода эвфемизмы в принципе не соотносятся с категорией этики.

Категория этики не является для эвфемии имманентной. Первичные эвфемизмы-дэизмы, заменяющие номинации богов, тотемов, демонов, атрибутов культа, а также номинации смерти, основаны на категории риска. Прямые номинации были запретны не в силу их некорректности (обидности, неприличности), а в силу опасности. Таким образом, подменные номинации как лексический класс возникли под влиянием коммуникативной стратегии ухода от риска. Коммуникативная стратегия стремления к корректности, этичности включилась в процесс формирования эвфемии на позднейших стадиях развития лексики.

Коммуникативные стратегии ухода от риска и стремления к корректности являются, в известной степени, противоположными. Уход от риска – это стратегия, основанная на адресантоцентризме, стремлении говорящего обеспечить свою собственную безопасность. Стремление к корректности – это стратегия, основанная на адресатоцентризме, желании го-

ворящего не навредить слушающему или предмету речи, не смутить окружающих, не поставить их в неловкое положение.

Определение эвфемизма требует уточнения. Можно предположить, что эвфемизм – это менее рискованная номинация, заменяющая в речи более рискованную. При этом особого исследования заслуживает типология рисков, осознание которых носителем языка и языковым коллективом в целом приводит к развитию эвфемии.

В исследовании особое внимание уделено правовому риску как одной из активных детерминант развития эвфемии в публичной коммуникации современной России. В современном обществе публичная речевая деятельность является сферой риска: велика опасность нанести вред государству, ущемить права и свободы другого гражданина, нанести урон активам предприятия, что неминуемо влечет за собой как административную, гражданскую, так и уголовную ответственность. Осознание языковыми носителями публичной речевой коммуникации как сферы риска приводит к формированию в языковой культуре отдельных носителей языка и целых языковых сообществ алгоритмов легального речевого поведения, включающих формулы ухода от правовых рисков. Легевфемизм (правовой эвфемизм) является объектом эвфемологии, поскольку является номинацией, позволяющей говорящему минимизировать риск правовой ответственности. Легевфемизм целесообразно понимать как номинацию любого объема и семиотического статуса: слово, словосочетание, предложение. Легевфемия может реализоваться на лексическом, стилистическом и композиционном уровне.

В ходе исследования публичной устной и письменной коммуникации установлены типовые формулы ухода от правового риска и их частотность. Исследование проводилось в течение 2011 года.

Формула № 1 – «Манифестация субъективности», занимает лидирующую позицию – порядка 43 % от общего числа зафиксированных случаев. В качестве примеров реализации данной формулы можно привести следующие высказывания: *«Мне все больше кажется, что менеджмент ведет компанию к банкротству»* вместо *«Менеджмент ведет компанию в банкротству»*. Элемент «мне все больше кажется» формально указывает на субъективность, гипотетичность сообщаемой информации, что снижает риски правовой ответственности. Хотя стиль, интонация и контекст позволяют адресату речи понять, что элемент «мне все больше кажется» является лишь маской говорящего, попыткой себя обезопасить. Фактически же оратор хорошо разбирается в проблеме, о которой говорит, и полностью уверен в сообщаемом факте.

Формула № 2 – «Затемнение денотата», реализуется в 22 % случаев. В качестве примера можно привести высказывание *«Всем нам хорошо известный депутат шел на выборы с лживыми обещаниями»*. Элемент *«Всем нам хорошо известный»* является затемненным указанием на денотат. Отсутствие в высказывании прямого указания на характеризуемое лицо является гарантией безопасности оратора. При этом люди, присутствующие на пресс-конференции, хорошо поняли, о ком говорит оратор.

Формула № 3 – «Разорванная предикация», реализуется в 18 % случаев. Суть данной формулы сводится к тому, что субъект и предикат, которые составляют в интенции говорящего единство, разводятся по разным высказываниям: *«Сегодня многие строительные компании не могут выполнять свои обязательства перед кредиторами. Компания «СтройИнвест» давно должна стать объектом пристального внимания»*. Из контекста ясно, что говорящий имел в виду, что компания «СтройИнвест» не может выполнять своих обязательств перед кредиторами. Однако предикат «не может выполнять обязательств» и субъект «компания СтройИнвест» разведены по двум разным предложениям, которые являются самостоятельными. В этом случае компании СтройИнвест потребуется долго доказывать в суде, что информация о том, что компании не могут выполнять своих обязательств, относится именно к ней. Суд будет рассматривать это как спорный и неоднозначный момент.

Формула № 4 – «Ссылка на непроверяемый источник», реализуется в 17 % случаев. Примером могут служить высказывания с элементами *«Всем известно, что...»*, *«Не раз приходилось слышать о том, что...»*, *«Никто не будет спорить, что...»*. Такого рода ссылки невозможно проверить, однако сам факт наличия ссылки формально делает критическое высказывание более безопасным с точки зрения правовой ответственности за сказанное.

Осознание того, что речевая коммуникация является полем правовых отношений, становится массовым. Опросы показали, что 80 % носителей русского

языка осознают, что за критические высказывания в адрес людей или компаний может наступить правовая ответственность в связи с ущербом репутации. Умение намеренно уходить от правовой опасности в публичной речи становится важной составляющей коммуникативной компетенции современных носителей языка. Таким образом, в алгоритмах речевого поведения формируется особая зона интенций, которые систематически влияют на стиль, лексику и грамматику речи.

На сегодняшний день в лингвистике нет единого подхода к классификации эвфемизмов. Насчитываются десятки классификаций, типы которых варьируются в зависимости от аспекта, положенного в основу: уровневая и лексико-семантическая классификация [3, 5, 7, 9]; мотивационная классификация [1, 2, 5, 9]; классификация по степени сложности зашифровки [6], морфологическая классификация [5].

Предпосылки функционального рассмотрения эвфемизмов в общем виде представлены в работах М. Л. Ковшовой, которые рассматривают природу эвфемизмов с точки зрения коммуникативных функций, выполняемых данными единицами [4]. При рассмотрении эвфемизмов с функциональных позиций мы выделяем в модели зону говорящего и слушающего, посылы и реакции которых должны быть взаимными при различии коммуникативных стратегий и тактик.

Каждый из участников коммуникации реализует специфический комплекс стратегий: говорящий / пишущий, использующий в речи легевфемизмы, стремится замаскировать, сгладить конфликтное высказывание с целью минимизировать возможную правовую ответственность; при этом в речи одновременно реализуется побочная стратегия, состоящая в стремлении строить маскирующее высказывание таким образом, чтобы слушающий/читающий без труда смог пробиться сквозь заслоны эвфемии и понять истинный смысл, который вложен говорящим. Борьба этих двух стратегий (маскирующей и подсказывающей, скрывающей и приоткрывающей, затемняющей и подсвечивающей) составляет суть коммуникативного напряжения в публичной коммуникации. Стратегия слушающего/читающего состоит в стремлении декодировать высказывание, в котором использован легевфемизм, актуализируя фоновые знания для «вычленения» эвфемистических замен на основе языковой игры, прецедентной базы и реминисценций.

Обобщив исследованный материал, мы разработали классификацию легевфемизмов, в которой учтены направления тактико-стратегического взаимодействия говорящего и слушающего в ходе публичной коммуникации.

Функциональная классификация легевфемизмов с позиции говорящего:

Синтетические легевфемизмы (вся эта история производит впечатление крайней непрозрачности вместо является обманом; используя свои ресурсы, риелтор заставляла людей расставаться с квартирами вместо совершала незаконные сделки с недвижимостью, используя угрозы и давление в отношении собственников) – легевфемизмы данного типа представляют собой высказывание, в котором рискованная

часть полностью заменена на риторически обработанную формулировку (метафору, намек).

Аналитические легевфемизмы (*есть основания полагать, что деньги были попросту украдены; бывший директор намеренно довел предприятие до банкротства, но это лишь мое мнение*) – легевфемизмы данного типа представляют собой двучастное высказывание, в котором рискованная часть выражена прямо, но снабжена добавочным компонентом, нейтрализующим потенциальный риск.

Функциональная классификация легевфемизмов с позиции слушающего:

По способу корреляции между языковым знаком и денотатом:

Непрозрачные (разные поведенческие стереотипы вместо межнациональная рознь) – декодирование легевфемизмов данного типа является слабо прогнозируемым, основанным на широком ассоциативном поле.

Прозрачные («обогатился» на политзаключенных вместо незаконно получил доход) – декодирование легевфемизмов данного типа является легко прогнозируемым, основанным на нормативных значениях и узуальных сочетаемостях компонентов.

По типу герменевтической опоры:

Прецедентные (у них в ресторане авгиевы конюшни вместо грязно);

Непрецедентные (в обществе перечеркнута надежда на мирную революцию, возможно, есть необходимость в решительных действиях с использованием чего-то менее демократичного).

Данные классификации коррелируют между собой, отражая компоненты коммуникативного акта – зоны адресата и адресанта, послы и реакции которых являются взаимными.

В качестве материала исследования избраны российские новостные Интернет-издания «Lenta.ru» и радио «Свобода». В период за сентябрь-ноябрь 2011 года в данных СМИ зарегистрировано 167 случаев использования легевфемизмов.

Аналитический тип легевфемизмов, представленный по шкале слушающего как **прозрачный, не-прецедентный**, реализован в следующем типе высказывания: «Депутаты отдельно попросили поручить проверку "ответственным работникам центрального аппарата" МВД и СК, так как есть основания полагать, что проверки, проведенные на местах, не будут объективными и всесторонними». Легевфемичная конструкция содержит конфликтогенную часть, выраженную прямо, нарочито заостренно («проверки, проведенные на местах, не будут объективными и всесторонними»), и нейтрализующую часть, позволяющую автору избежать правовой ответственности за распространение порочащей информации («есть основания полагать»). Нейтрализующая часть, введенная в ироническом контексте, указывает не на наличие у автора сомнений, а – напротив – на уверенность автора в передаваемой информации. Использование нейтрализатора позволяет автору подчеркнуть, что передаваемая информация настолько негативна, что требуются меры предосторожности. Таким образом, складывается парадоксальная ситуа-

ция: использование вводных конструкций со значением гипотетичности, неуверенности в качестве нейтрализаторов в составе легевфемизма трансформирует их семантику вплоть до обратного по смыслу прочтения.

Данную гипотезу можно подтвердить еще одним примером из Lenta.ru – «Проблема безопасности журналистов ужасает. Однако не секрет, что существуют "желтые" журналисты, которые работают на определенных людей и льют грязь на конкурентов своих работодателей. В случае чего – эти люди прячутся за громкими лозунгами о свободе слова, праве на журналистскую неприкосновенность». Автор данной фразы, использует в пределах одного высказывания одновременно два типа легевфемизма – синтетический и аналитический. Синтетический легевфемизм при помощи эпитета и метафоры маскирует содержание, делает эго экспрессивным и нефактологичным, сохраняя при этом негативную основу. При помощи эпитета «желтые журналисты» охарактеризована основная форма проявления некачественной журналистики – заказные статьи, которые сообщают ложные сведения о заказных лицах. Метафора «льют грязь на конкурентов своих работодателей» экспрессивно и нечетко указывает на недобросовестность в профессиональной деятельности. Нейтрализатор «однако не секрет» снимает с автора ответственность и риск быть привлеченным к ответственности.

Синтетические легевфемизмы в исследованном материале преобладают на фоне аналитических в пропорции 137/30. Это связано с тем, что в данном типе легевфемизмов потенциальная конфликтогенная часть выражена с помощью заранее проработанного, намеренно подобранного автором риторического приема. Например, во фразе «Песков отреагировал на заявление Маккейна о том, что смерть ливийского лидера Муаммара Каддафи – повод "начать нервничать" для диктаторов» автор заменяет рискованное прямое значение – «бояться за свою жизнь» экспрессивной метонимией – повод «начать нервничать». Автор эффективно решает две задачи: *суггестивную* – воздействуя на слушающего/читающего посредством экспрессивной, но нечеткой по смыслу метонимии, и *правовую* – исключая возможность быть наказанным за распространение ложных фактов. Данный тип **синтетического легевфемизма** с позиции слушающего является **непрецедентным, непрозрачным** и по количеству зарегистрированных типов семантической сочетаемости является наиболее частотным (65 – «Lenta.ru» / 55 – радио «Свобода»).

Синтетический, прозрачный, прецедентный легевфемизм реализован в следующем высказывании: «Начальника камчатской почты посадили за то, что он принял на работу "мертвые души"». Данный тип легевфемистической замены был зарегистрирован в единичных случаях (1 – «Lenta.ru» / 2 – радио «Свобода»). Для понимания данного высказывания читатель должен актуализировать в своем интерпретативном поле известный сюжет. При этом фактически большая часть негативного смысла остается невыраженной, снижая правовые риски, однако общеизвестность прецедентного текста оставляет высказывание в целом прозрачным для понимания.

Синтетические, непрозрачные, прецедентные легевфемизмы не могут быть легко прочитаны слушающим, декодирование легевфемизмов данного типа является слабо прогнозируемым, так как они подвержены широкой ассоциативной интерпретации и зависят от индивидуальных речемыслительных и лингвокреативных способностей слушающего. Данный тип легевфемизмов реализован в следующем высказывании: *«Расследование громкого теракта в минском метро завершено. Автора и исполнителя теракта вместе с сообщником поймали на следующие сутки. По данным следствия, "за спиной Ковалева и Коновалова каких-либо спонсоров или заказчиков" не было. "Даже косвенных данных нет", – вынужден был признать Швед. Вероятно, эта информация расстроила президента Лукашенко, который 13 июля намекнул на причастность к теракту представителей оппозиции. "Я поручил рассмотреть все заявления от политических деятелей. Мы ищем соучастников и заказчиков. Эти деятели от так называемой "пятой колонны", может, раскроют карты и укажут, кто заказчик", – заявил он»*. Перед нами прецедентная, непрозрачная легевфемистическая замена с позиции слушающего. Легевфемизм (*деятели так называемой «пятой колонны»*) не может быть легко распознан адресатом. «Пятая колонна» – шпионы, наименование фашистской и нацистской агентуры в различных странах накануне и во время Второй мировой войны, если ее вовремя не убрать, она может восторжествовать и привести к очень трагическим последствиям. Таким образом говорящий характеризует политических деятелей. Высказывание автором нарочито затемнено, и если слушающий не обладает определенным багажом фоновых знаний, он попусту не распознает конфликтного смысла. Данный тип сочетаемости легевфемизмов был зафиксирован в единичных случаях (1 – «Lenta.ru» / 3 – радио «Свобода»).

Проанализировав реализованные комбинации типов легевфемизмов, удалось зафиксировать следующие типы сочетаемости (табл.).

Тип сочетаемости легевфемизмов	Частотность реализации, %
Синтетические / непрозрачные / прецедентные	2
Синтетические / непрозрачные / непрецедентные	72
Синтетические / прозрачные / прецедентные	2
Синтетические / прозрачные / непрецедентные	6
Аналитические / прозрачные / непрецедентные	18

Статистический анализ позволяет заключить, что на реализацию типов легевфемизмов влияет ряд факторов: речемыслительные и лингвокреативные способности слушающего; степень прозрачности / непрозрачности денотата; тактико-стратегическая составляющая коммуникации.

Использование правовых эвфемизмов (легевфемизмов) численно превалирует в данных изданиях над случаями реализации этических эвфемизмов (167/35), что вполне объяснимо. Этические эвфемизмы используются преимущественно в устной коммуникации и осуществляют функцию ухода от этико-этикетных рисков (стремление не задеть эмоции слушающего), что на сегодняшний день не столь востребовано в медийном дискурсе. Явление легевфемии как тактики ухода от правовых рисков в публичной Интернет-коммуникации активно функционирует и непрерывно трансформируется, что говорит о несомненной востребованности исследованного тактического приема в современных медийных коммуникативных практиках.

Литература

- Булаховский, Л. А. Введение в языкознание / Л. А. Булаховский. – М., 1953. – Ч. 2.
- Варбот, Ж. Ж. Табу / Ж. Ж. Варбот // Русский язык: энциклопедия. – М., 1997.
- Кацев, А. М. Языковое табу и эвфемия / А. М. Кацев. – Л., 1988.
- Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов: краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов / М. Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007.
- Ларин, Б. А. Об эвфемизмах / Б. А. Ларин // Ларин Б. А. Проблемы языкознания / сб. статей, посвящ. 75-летию акад. И. И. Мещанинова. – Л.: ЛГУ, 1961.
- Москвин, В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка / В. П. Москвин. – Волгоград, 1999.
- Москвин, В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка // В. П. Москвин. – 2-е изд. – М.: Ленард, 2007.
- Осадчий, М. А. Тактики ухода от правовых рисков в политической и бизнес-коммуникации / М. А. Осадчий // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – № 6. – Режим доступа: www.science-education.ru/100-4893 (проверено: 19.12.2011).
- Сенечкина, Е. П. Эвфемизмы русского языка: учебное пособие / Е. П. Сенечкина. – М.: Высшая школа, 2006.

Информация об авторах:

Дегтярева Алёна Руслановна – магистрант КемГУ, degtyarjova@yandex.ru.
Degtyareva Alena Ruslanovna – master's degree student at KemSU.

Осадчий Михаил Андреевич – кандидат филологических наук, докторант КемГУ, osadchij@mail.ru.
Osadchiy Mikhail Andreevich – Candidate of Philology, doctoral student at KemSU.